

ПРОШЕДШИЕ ДОРОГАМИ ВОЙНЫ...

Сборник сочинений камышловцев фронтовиков:
К. Реут, И. Свешников, А. Соболев.

П84

84(2Рос=Рус)6

Время стремительно несется вперед и остается в прошлом все, что когда-то было таким значительным, ярким, зримым.

Вот уже прошло 65 лет с той поры, как отгремели залпы Победного Мая. А когда мы в день Победы смотрим на колонну фронтовиков сжимается сердце и слезы подступают к глазам – их, кто приближал победу с оружием в руках все меньше, меньше... Они уходят, но остаются нам их бесценные воспоминания о второй мировой войне, их непосредственные наблюдения, то что никакой историк, никакой аналитик не воспроизведет с той силой, с какой это сделали они.

В данный сборник вошли сочинения в стихах и прозе трех фронтовиков. Не все они о войне.

Константин Реут, например, погиб и не осталось у него в арсенале размышлений, стихов о войне. Не успел, как и многие другие ушел от нас «Не долюбив, не докурив последней

папиросы...». Но написанные еще до войны его стихи учат жить, не сдаваться, любить жизнь.

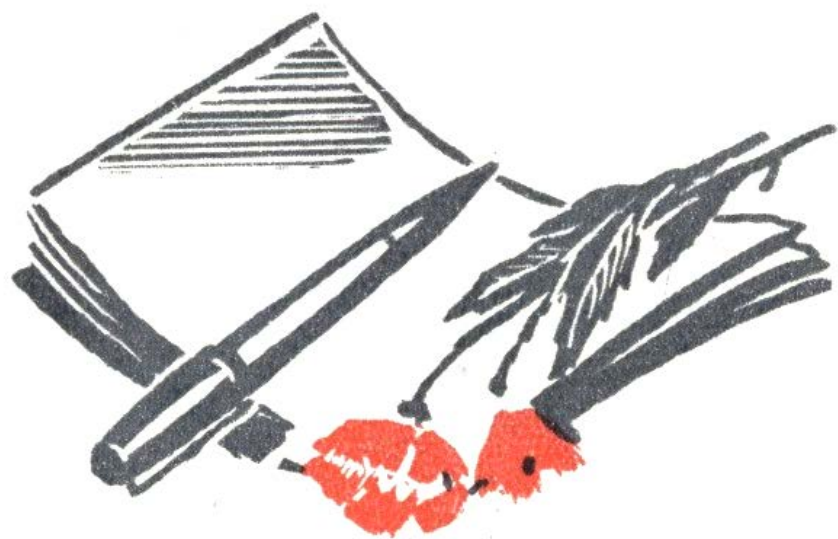
Иван Свешников представлен в сборнике как поэт и прозаик. Наиболее ценным из его сочинений можно назвать рассказ «Встреча» ярко иллюстрирующий положение нашей армии в блокадном Ленинграде.

Прекрасным образцом фронтовой летописи можно назвать и воспоминания о войне А.К.Соболева. Не заботясь о красивостях в своем рассказе, автор-фронтовик ярко, зримо передает обстановку тех дней, трудности и радости, взаимоотношения людей и их неистребимое стремление к победе.

Представленные в сборнике сочинения, малая часть того, что имеется из оставленных фронтовиками воспоминаний, опубликованных и неопубликованных в газете, и они ждут своего часа.

Елена Флягина

РЕУТ КОНСТАНТИН ФЕЛИКСОВИЧ

Реут Константин Феликсович родился в мае 1911 г. в селе Катайском Курганской области в семье агронома.

Детские и школьные годы прошли в г. Камышлове. С детства горячо полюбил он поэзию. С 1927 года стихи К. Реута уже регулярно публикуются в газетах «Уральский рабочий» и «На смену». В 1934 г. вышел его сборник стихов «Убеждение».

Когда началось строительство Челябинского тракторного гиганта К. Реут, романтик и поэт, по зову сердца едет в Челябинск, где штурмует рубежи первых пятилеток.

Высокий, белокурый, атлетически сложенный в барашковой папахе набекрень, в распахнутом пальто при любой погоде - таким навсегда он остался в памяти друзей.

Известный уральский поэт Николай Куштум вспоминал о К. Реуте: «Это был человек неистребимого

оптимизма, веселый и задорный, всегда готовый на шутку ответить шуткой, на остроту – тремя.

Сущность своего характера, свое жизненное кредо Константин Реут однажды предельно точно выразил следующими, навсегда мне запомнившимися строками:

О чем прокричать

в этот радостный день

под звон,

под рожки

и гуденье?

Жить!

Здороветь!

И в борьбе

и в труде

носить напряженно

всегда и везде

весеннее сердцебиенье!

Строитель по профессии, журналист по призванию, поэт по складу своей души - таким был этот замечательный человек.

Короткой, но богатой и полноценной была биография поэта. И завершил он свою жизнь достойно и мужественно: пал смертью храбрых в марте 1942 г. близ деревни Князево, под Ленинградом».

Воспоминания Кузнецовой Александры Петровны, почетного гражданина города: «... Один из самых способных, талантливых моих учеников...»

Константин был живым, любознательным мальчиком. Много читал книг, особенно русских и зарубежных классиков: Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Горького.

Склонность к сочинению появилась рано. Уже в школе любил сочинять меткие стихи на своих товарищей, на злободневные вопросы класса, описывать яркие картины природы, которую он страстно любил.

Принимал активное участие в составлении школьного классного литературного журнала «Юность», в котором помещал свои стихи. Костя любил уроки литературы, задавал много вопросов об изучаемом писателе. Особенно Константин любил стихотворения Маяковского.

В 1927 г. уехал учиться в Пермь, в профтехшколу, позднее она стала строительным техникумом. Потом он отправился на строительство Челябинского тракторного, где работал строителем, прорабом.

Изредка он посылал мне бодрые стихи, письма, в которых сообщал о своей интересной, трудовой жизни, о своей поездке на I съезд советских писателей, о встрече с Горьким, о том огромном впечатлении, которое произвела на

него столица. Сообщил, что в сборнике «Убеждение» он посвятил одно стихотворение мне». Оно называлось «Жить». «Константин Реут рано ушел из жизни, не успев написать всего, что было им задумано. Но и того литературного наследства, которое он нам оставил, достаточно, чтобы помянуть добрым, теплым словом замечательного поэта - патриота».

Николай Кушум.

«Юноша бледный со взором горящим...»

Реут. Эта необыкновенная фамилия хорошо знакома коренным камышловцам. Семья Реутов жила здесь довольно долго. Леонид Феликсович работал в музыкальной школе. Константин учился в школе №1. Наша сотрудница, журналистка, писатель Маргарита Усцелемова была одноклассницей Реута. Она часто вспоминала об этом необыкновенном юноше. Он был красив и талантлив. Кто-то из его друзей сказал о нем словами поэта Брюсова «Юноша бледный со взором горящим». Любовь к литературе пробудила в нем Александра Петровна Кузнецова. Константин Реут посвятил ей свою поэму «Жить».

Мы помещаем воспоминания о Константине Реуте уральских писателей.

П. Хорунжий: «Первая наша встреча состоялась в Челябинске в августе 1932 года. Меня в это время вызвали из Магнитки и назначили зам. председателя правления писательской организации Урала. Я занимался собиранием сил «на местах» и много ездил.

И вот ранним, но уже достаточно знойным августовским утром 1932 года в одном из будущих цехов Челябинского тракторного гиганта мы – поэт Семен Уланов и я – сидели на бревнах, приготовленных для возведения

внутренних лесов, и беседовали о делах художественной литературы. Сема рассказывал немногословно, но весьма охотно. Вдруг он как то встрепенулся и сказал:

-А вот и Костя Реут.

Я взглянул в сторону, куда Сема указал кивком головы, и в перспективе огромного цеха увидел быстро шагающего к нам юношу: высокого, стройного, клетчатой ковбойке, в зеленой шляпе бойскаута. Подойдя, он сразу же завел разговор о стихах:

-В стихотворении «Поезд» есть две завидно хорошие строчки.

- Какие? – спросил я (речь шла о моем стихотворении).

-«Белый дымок, зацепившись за куст, оторвался от паровоза».

А дальше был темпераментный и острый обмен мнениями, после которого мы почувствовали себя словно давно знакомыми. Запомнилась одна его фраза: «Строки, вписанные в строфы «для мебели». Я ненавижу и в собственных стихах борюсь с ними по мере сил...»

Я видел Константину Реута в творческом росте, в динамике развития таланта, в мужании его поэтического голоса. Он любил людей, тех, кто его окружал, с кем он встречался как журналист по заданиям редакций или просто сталкивается на дороге жизни. Он очень четко запоминал

лица, мгновенно схватывал особенности характеров, подчеркивал и слабинки - с единственной целью: чтобы ещё сильнее высветить сильные стороны той или иной натуры.

Но особенно он любил детей. Он говорил, что если у него родится дочь, то он назовет её Глоди – именем внучки Кола Брюньона, составившей великую радость старого мастера. У Кости родился сын, он назвал его Феликсом, в честь деда. Мне довелось наблюдать, как Костя занимался физическим воспитанием своего крепыша и был очень счастлив.

Глубокой осенью или в самом конце 1941 года я получил от Кости открытку. Он писал, кажется, с вокзала. Сообщал о скором отъезде на фронт. Короткое письмо завершалось словами, которые я привожу по памяти, излагая лишь смысл: «Хочется совершить что-то такое, чтобы изменить всё это!» («Всё это», разумеется, был тогдашний ход военных действий. А под словами «Хочется совершить что-то» скрывалось мечта воина совершить подвиг во имя победы над заклятым врагом.)

Потом я оказался на Калининском фронте. И только по окончании войны и возвращении в Свердловск узнал о гибели Константина Реута в 1942 году под Ленинградом.

Н. Куштум: «высокий, белокурый, атлетически сложенный, в барашковой папахе набекрень, в распахнутом

пальто при любой погоде – таким навсегда остался в памяти уральских поэтов старшего поколения Константин Реут...

...Летом знаменательного 1943 года с трибуны 1-го Всероссийского съезда советских писателей было названо имя Константина Реута, как одного из ведущих уральских поэтов...

...Короткой, но богатой и полноценной была биография поэта. И завершил он свою жизнь достойно и мужественно: он пал смертью храбрых в марте 1942-го года близ деревни Книзево, под Ленинградом, защищая честь, свободу и независимость Родины, которую он любил страстно и самозабвенно, как истинный советский патриот.

Он рано ушел из жизни, не успев написать всего, что было им задумано. Но и того литературного наследства, которое он нам оставил, достаточно, чтобы помянуть добрым, теплым словом замечательного поэта-патриота».

Камышловские известия

28 декабря 1995 г.

Весна

У крыльца моего

бьет копытом буланая лошадь.

Солнце там, за стеной,

где кладовка, мазут и весы.

Но приносят ко мне

на плащах и на новых галошах

неразгаданный запах весны.

Щелкнет дверь.

Примет рапорт начальник.

И снова

спит калитка на солнце.

Чернеет подъезд, как крыло.

Я стою на часах,

а по улице Хохрякова

солнце гонит лучи напролом.

Мне бы с ними кричать,

перепутывать волосы, бегать

и трубить на опушках

в широкий охотничий рог.

И смотреть в синеву,
как встают из-за мокрого снега
черно-бурые ребра
весенних дорог...

И смотреть на сады,
где навесы ветвей очумело
барабанят капелью по крышам,
как тысячи ног...

Но я старше лучей.
Я зимой аттестован на зрелость.

А они, как мальчишки,
по лужам играют в пинг-понг.

Да, я старше лучей.
Но люблю их цветную руладу.

я люблю наши звезды,
когда затихает листва.

Я люблю даже осень.
В заводе, в конторе, у склада
мир мной понят,

и я
охраняю его торжество.
У крыльца моего под седлом
бьет копытами лошадь.
В пирамиде винтовки
спокойны, нежны и просты.
Я стою на часах.
Мне приносят плащи и галоши –
легкий шорох и глянец
изумительно новой весны.

1933

Жить!

А.П.Кузнецовой

1

Была палатка битком набита
людьми, но я тосковал,
пока иностранца Алана Смита
впервые не увидал.

Койки стояли, подушки в подушку,
но каждый страдал, как мог...

Мы поправлялись-
ели ватрушки,
резались в домино.

Но...

вверх пошла кривая температур.
подпрыгивая донельзя.

Доктор был хмур,
и нервничал строгий Цельсий...

Палата дралась не на жизнь, а на смерть
за воздух, за солнце, за росы,

люди ворочались в полутьме,
сгорблены и раскосы...

А ночь по окну плыла и плыла
в далекую степь, в океан.
Луна на подушках узоры ткала,
и бредил больной Аллан.

2

- Трубите, оркестры!

Война!

В полках аресты –

«Где агитатор?»

Над Чикаго луна,

как глаза у быка,

лизнувшего кровь собрата.

Фронт...

Месяцами в грязной дыре

блиндажей озноб и жар.

Я хотел, как мой друг, тогда умереть,

отдыхать и лежать, лежать...

Мать надеялась: «Может воротится», -

молилась, и я шагал.

Пришел.

Но ныла в хвостах безработица,
как раненая нога
Мама! Я не отчаялся. Нет!
Не плачьте, я вас не виню.
Я кончил проклятый университет,
чтобы сесть на седьмой авеню.

Три года
с бурчаньем в желудке стареть.
за день добыв бутерброд!
Я снова хотел, мой друг, умереть,
скитаясь у бирж и ворот.
О, как я хотел таскать тюки,
слоняясь по пристаням!..
Но мне не везло:
друзья из реки
вытащили меня.

- Где это было?

Зима.

Постойте.

Буран.

А руки висели, как грабли.
Меня подобрал инженер
в Детройте,
думал, что я избит и ограблен.

Он не ошибся!

Я бился в ворота,
ограбленной самой богатой страной!

...Русская леди ходила за мной...

Русский механик дал мне работу...

Он отстоял мою пару рук,
по ним не прошлось острие ножа.

Я не хочу умирать, мой друг!

Я не хочу лежать!

.

Уже от росы отпотело стекло.

туман одевал этажи...

Палата седела

от стонов и слов,

палата дралась за жизнь.

сухими губами

шепчет больной

великое слово – жить!

Большими глазами

смотрит больной

на стройные этажи,

а за дверьми, за окном, за стеной

ночь на земле лежит...

Но так же звенят на лугах стада

и люди громят руду.

Цветут тополя, цветет резеда,

и пахнет росой в саду...

.

Ребята смеялись, надевали халаты,

техрук не сдерживал бас:

пришла делегация в нашу палату

проведать Алана и нас.

Мы поднялись на горячих матрацах

под контролем врача и сестры.

Ребята шутили,

велели нам драться

и перекрыть «прорыв».

...Вечерняя снова стояла пора.

На западе таяли угли.

Алан улыбался:

- Вернемся,

ол райт!

Тяжело умирать –

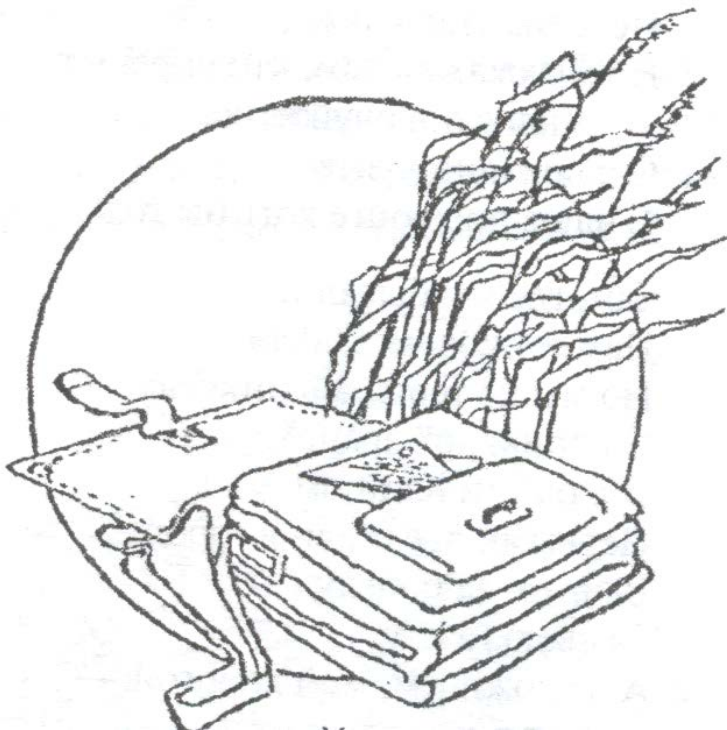
нельзя умирать

в Союзе советских республик!

1933

СВЕШНИКОВ ИВАН СТЕПАНОВИЧ

Краткая автобиография

Происхожу из крестьянской семьи Среднего Заволжья. Родился 14 июля 1922 года в селе Большой Кувай Сурского района Ульяновской области. Отец мой, Степан Парфенович, с юных лет и до конца своей жизни занимался хлебопашеством. Мать была домохозяйкой, так как растила семерых детей. Отец из-за

бедности семьи не получил даже начального образования. Но он хорошо понимал землю, знал ее запросы, помогал ей, чем мог. И она отвечала ему благодарностью за благодарность. До коллективизации сельского хозяйства наша семья значилась середнячкой.

Мать, Ксения Никифоровна, мягкохарактерная, заботливая, умная женщина также не умела даже расписаться. Она жила исключительно детьми и для детей. Как и все женщины на Земле, она проводила дни в стирке

пеленок, белья своих подопечных, в приготовлении пищи, в лечении детей.

Для лечения она использовала аптеку под открытым небом. На чердаках конюшни и амбара всегда висели у нее пучки ромашки, зверобоя, тысячелистника, багульника, полыни и других трав.

В 1936 году я закончил семь классов Большекувайской школы и поступил учиться в Сурский сельскохозяйственный техникум. Но в нем я немного недоучился. В годы войны закончил Ленинградское артиллерийское училище. С начала 1943 года воевал офицером.

Великую Отечественную прошел от начала и до конца. Не раз и не два костявая смерть заглядывала мне прямо в глаза: на полях Прибалтики в 1941 году, в осажденном Ленинграде в 1941-1942 годах, на Орловско-Курской дуге в 1943 году и на территории самой Германии. В годы войны был ранен, имею правительственные награды.

Уволился из армии в конце 1952 года по состоянию здоровья. Остался жить на Урале по настоянию жены. Урал мне стал также дорог, как и Заволжье. Прожил я здесь 43 года. В послевоенные годы некоторое время заведовал подсобным хозяйством Камышловской профтехшколы и

сельскохозяйственным участком «Боковка». Но в связи с бытовой неустроенностью переехал в город.

До выхода на пенсию трудился на заводе «Лесхозмаш» токарем. Одновременно сотрудничал с районной газетой на правах рабочего корреспондента. А выходные дни посвящал стихам и рассказам.

Искусству литературной работы я учился у Пушкина, Лермонтова Толстого, Тургенева, Горького, Щипачева, Есенина, Дудина. Что получилось из этого? – судите сами.

Степан Петрович Щипачев тепло отозвался о моих опытах, заявив: «стихи ваши отделаны неплохо, Иван Степаныч...» Мы встречались с ним в клубе «40 лет Октября» в одно из его посещений города юности... Сам лично я сделал бы такую же оценку.

Встреча.

(Рассказ)

На первый взгляд, Ладожское озеро производит впечатление настоящего моря. Его синева раскинулась на многие-многие километры. И волны, набегающие на берег, по силе не уступали морским.

В день моего прибытия озеро имело вполне мирный вид. Здесь не рвались снаряды, не пикировали тяжелые бомбардировщики, не визжали снайперские пули. Тишину нарушали лишь неугомонные крики белокрылых чаек да монотонный скрип дебаркадера.

Наш небольшой транспорт с солдатами подходил к юго-восточному берегу озера. Позади остались рыбацкие катера, промысляющие пресноводную рыбу, и широкая водная пустыня, исчерченная играющими седоватыми волнами.

Сойдя на берег, солдаты твердо ступили на Большую землю, о которой они долго думали в последние дни, покидая осажденный Ленинград. Они были в серых шинелях, в летних защитных костюмах, в пилотках и поношенных кирзовых сапогах.

На берегу здесь и там лежали кучи мешков, заполненных продовольствием: крупами, макаронными

изделиями, сахаром, мукой и солью. Некоторые кучи были прикрыты брезентом, по всей видимости, от дождя. Ну, а большая часть из них оставалась открытой. Это продовольствие ждало отправки для населения Ленинграда.

Нам страшно хотелось есть. А мешки как будто дразнили нас своей недоступностью. И если бы караульный отмерил нам по стакану пшена или гречки, то мы бы, наверное, развели костры и стали варить себе обед.

- Я удивляюсь, - начал худощавый боец в распахнутой шинели, закидывая пустой вещевой мешок через плечо, - в Ленинграде люди гибнут от голода, а здесь лежат целые вороха продуктов, и никто не торопится их отправить в город.

- Да, на берегу, кроме часового да нас, не видно ни одной души, - заметил второй солдат с впалыми щеками, взглянув на ослепительное солнце.

- Ох, как жрать хочется! – проговорил третий и начал проверять свои пустые карманы.

Не все слова, произнесенные моими спутниками, были справедливы. Государственный Комитет обороны, партийные комитеты принимали все меры, чтобы облегчить судьбу ленинградцев. Снабжение города велось и днем и ночью в условиях артобстрелов и бомбежек. Много грузовиков с мясом, консервами и крупами ушло ко дну

через огромные пробоины-полыньи на зимних дорогах. Немало затонуло барж. А потоки продовольствия, других товаров не прекращались.

У этой разноликой толпы военнослужащих, которые двигались к небольшому селению проселочной дорогой, не было ни оружия, ни противогазов, ни саперных лопат. Они шли, разделившись на группы, и долго молчали.

Через некоторое время они сядут на попутные машины, чтобы доехать до железнодорожной станции. А там... их ждет Кострома и учеба.

Я присоединился к этим ребятам вчерашним днем в штабе Ленинградского фронта. Нас собрали из разных полков и дивизий для того, чтобы через некоторое время подготовить боевых командиров.

Отбор производился в основном из той категории людей, которая имела 9-10 классов образования. Ну и, конечно, не на последнем месте стояли деловые качества – личная отвага, дисциплинированность, умение ориентироваться в боевой обстановке.

В Ленинграде мы получили двухдневный паек, но в наших вещмешках уже ничего не было со вчерашнего дня. Острое чувство голода не покидало меня и моих новых товарищей.

В деревне мы сели на попутные машины, и пыльный извилистый проселок увел нас в сторону железнодорожной станции. Я сидел на заднем борту одного из грузовиков и безразлично смотрел на своих коллег, которые облепили кузова трех машин.

На переднем борту, возле кабины, сидел незнакомый солдат с интендантскими петлицами на гимнастерке. Он примкнул к нашей компании в то время, когда мы осаждали в деревне грузовики. И, странное дело, он вскоре начал пристально рассматривать меня. Мне это не понравилось.

- Вы за кого-то меня принимаете? – с оттенком иронии заметил я интенданту.

- А вы меня не узнаете? – спросил незнакомец.

- Нет, не узнаю.

- А я вас узнал, - странно улыбаясь, заявил он.

- И кто же я?

- Вы из Ульяновской области – Свешников, а я ваш двоюродный брат Павел.

- Что за чудеса! – удивленно воскликнул я. Вдали от родных мест, в этой постоянной толчее встретить – совершенно случайно – родного человека! Просто уму непостижимо!

Приглядевшись, я признал в парне своего брата. Мы виделись с ним в селе незадолго до войны, разумеется, в

гражданском одеянии. Он был старше меня лет на шесть – восемь, полнее и чуть-чуть выше ростом. Но как гимнастерка, пилотка и форменные брюки сделали его непохожим на того, довоенного, Павла!

Мы разговорились.

- Я считал, что мой брат бьет фашистов, - начал Павел, скрывая счастливую улыбку, - а он разъезжает себе по глубоким тылам и горя не знает.

- Нет, Паша. Ты ошибаешься, - а уж фронтом-то меня не обидели. В боях – с первых дней войны. Уже побывал в госпитале по случаю ранения. И не где-нибудь, а в осажденном Ленинграде. А там – сам знаешь, как тяжело живется. Еду как волк, голодный. Сейчас бы, наверное, один поросенка съел. Идет второй день, как во рту не было ни крошки хлеба.

- Ну что ж, - сочувственно проговорил Павел, - я тебе в этом деле немного помогу.

В деревне, где остановились наши машины, он повел меня к продовольственному складу, который располагался в огромной полуземлянке. На полках ее впритирку лежали румяные кирпичики хлеба. На полу стояли бочки с рыбой, мешки с крупами, солью и сахаром.

- Вот это мое пристанище, - заявил Павел, - служу здесь. Своим ничем не располагаю, продовольствие

казенное. Но отдам тебе свой двухдневный паек. Я сам как-нибудь проживу. Товарищи помогут.

Он положил передо мной булку черного хлеба и две длинных жирных селедки. Я посмотрел на брата с нескрываемым удивлением, как смотрят на волшебника, сотворившего чудо. И в начале не поверил: шутит он со мной или все делает всерьез. Но Павел развеял мои сомнения словами:

- Бери, бери, дорогой братишка, если бы мы встретились с тобой в мирные дни, то была бы на столе и пол-литра с закуской. А для страшного лихолетья, - он махнул рукой и слегка прослезился, - и это все же память о нашей встрече.

На прощанье мы с брательником поцеловались, и я поспешил к ребятам. Некоторые из них сидели на лужайке, другие – по обочинам дорог свесив ноги на дно кювета.

Я подошел к группе солдат, что сидели на лужайке. Увидев в моих руках хлеб и селедку, один из них хитровато намекнул: не поделюсь ли я с ним этими «богатствами». Я отдал ему все, что принес от брата, и сказал:

- Дели на всех поровну. Он достал из вещевого мешка миниатюрные деревянные весы. На таких самодельных весах развешивался у солдат хлеб в Ленинграде и на

Ленинградском фронте, чтобы никому не было обидно. Мы аппетитно закусили, а еще более расстраивали голод...

Эту короткую встречу я вспоминаю до сих пор, как одну из радостных минут в годы Отечественной войны.

Солдат умирал у лафета

Памяти брата Григория

Изрыла бомбёжка шоссе и кюветы,
Накрыт орудийный окоп.
Израненный брат «засыпал» у лафета,
Упав на подушку-сугроб.
Обрызгана кровью разбитая пушка,
Хозяин не думал о ней.
Он бредил о матери-ветхой старушке,
Шептал про жену и детей.
Лицо, искаженное болью тяжелой,
Не ждало наград впереди:
Уж кровь сквозь повязки капелью багровой
Слетала со лба и груди.
Он все одолел: и морозы, и топи,
Вел с танками длительный бой.
Его схоронили в могиле-окопе
В замерзшем лесу под Москвой

Сент.1983

Почерк полководца

Над плацдармом

вспыхнули ракеты,

Говор пушек разбудил поля.

Видел Одер, сумраком

одетый,

Как забилась русская земля.

Страшный гул прошел

над ней галопом,

он поднял «нейтралку»

на дыбы,

дрожь пустил по вражеским окопам,

захлестнул траншеи и штабы.

Он прошелся по дорогам

голым,

излучая едкий дым и чад.

Всколыхнул испуганные села,

В страх поверг разбуженных

Солдат.

Пошатнулась вражья оборона,

Надломилась с самого утра.

В помощь нашим смелым
батальонам
В лоб врагу зажглись
прожектора.

И свершилось чудо неземное:
Свет фашистам «вытравил»
глаза.

Они мигом встали к нам спиною
И пошли к «святым
под образа».

Им теперь и небо не поможет,
Их ничто не в силах удерживать.
Потому что белизной дорожек
Стало легче к фюреру бежать.

Немцам танки поддавали
жару,
Грохот ИЛов предъявлял
им счет.

И текли они в дыму пожаров
Прямо до Зееловских высот

Двум сердцам чужих забот

не надо,

Пусть хранится таинство

любви.

Пусть цветы на ветках

ходят кругом,

.....

30 ноября 1995г.

Времена года

В жаркий полдень хлебами густыми
Плыли жатки, звеня и пыля.
А за ними, как волны морские,
Расплескались валки на полях.
Ой, как солнце печет на Урале!
Солнце стало к уральцам добрей:
Это нужно, чтоб мы не дремали,
Чтоб крутились винты кораблей.
В поле льется натруженный голос
Работающих крестьянских машин:
Ходят волнами «Нива» и «Колос»
Для всех благ... и здоровья души.
Степь горячей работой объята,
Ну а с ней потерялся покой.
И зерно, словно брызги заката,
В закрома покатилося рекой.
Ой, ты, хлеб, ты опять старой новью
По земле ароматом пахнул.
Ты принес нам и жизнь, и здоровье,
В нас ты силу и бодрость вдохнул.

Что ж, светлей хлеборобская доля,
Коль с наукой ты стала дружить.
Эх ты, поле, пшеничное поле,
Как тебя не жалеть, не любить?

* * *

Всю степь неоглядно большую
Теплом пробудила весна.
На речке потоки бушуют –
Им пойма уж стала тесна.
Проснулся и лес величавый
От шумной беседы грачей.
Лишь бледные мертвые травы
Не слышат, как шепчет ручей.
А солнце с весенней тревогой
Снега превращает в пруды:
В низинах, лесах, на дорогах –
Сплошное засилье воды.
Уж сев теперь не за горами.
Мы знаем: в тот будничней день
Напевы скворцов с тракторами
Заполнят страду деревень.

1 февраля 1996г.

Ветераны второй мировой

Затянулись давно наши раны,
И снарядов не слышится вой.
Мы сегодня от радости пьяны,
Оттого, что нас чтут ветеранов,
Ветеранов второй мировой.
Мы теперь, словно лунь, поседели,
Но в душе ощущаем уют.
Наша армия двигалась к цели,
И дела ее не потускнели,
В честь побед загорался салют.
Он, как будто, красивая небыль,
Нам дарил эту сказку-букет.
Звезд небесных, приятель, не требуй,
Разукрасят и нам нынче небо
Разноцветные гроздьа ракет.
Все они в этот праздник великий
Заиграют над русской землей:
Незабудки, герани, гвоздики,
Рады видеть ваш цвет многоликий
Ветераны второй мировой.

Плач гитары

Враги отброшены к своим берлогам старым.

Село сгоревшее, ты вновь вернулось к нам.

И ополченец взялся за гитару,

Чтоб вылить боль истерзанным полям.

С тоской в глазах, перебирая струны,

Он пел страданье, низко наклонясь.

О том, как здесь, на улицах угрюмых,

Жизнь боевых друзей оборвалась.

Гитара плакала взволнованно и звонко.

Ей жаль парней, что встретились с бедой.

Лежат они теперь в глухой сторонке,

Смешав себя навек с сырой землей.

Прости их всех, умершее селенье.

За дым и пепел, и окопный труд.

Не плачь гитара, наберись терпенья,

Они в сердцах народа не умрут.

Камышловские известия. - 1990. - 9 мая. - С.3

Весна

Всю степь неоглядно большую
Теплом пробудила весна.
На речке потоки бушуют.
Им пойма уж стала тесна.

Проснулся и лес величавый
От крика весенних грачей
Лишь бледные мертвые травы
Не слышат, как шепчет ручей.

А солнце с весенней тревогой
Снега превращает в пруды:
В низинах, лесах, на дорогах –
Сплошное засилье воды.

День Победы

Берлин поверженный, я видел твой наряд,
Когда наш флаг плескался над Рейхстагом,
Я долго любовался мирным стягом,
Идя по улице в густой толпе солдат.
Ты был израненный и непривычно тих,
С голодными, не спавшими глазами;
У стен жилищ валялся битый камень
И пахло трупами в развалинах твоих.
По мрачным улицам, чуть ноги волоча,
Шли вереницей пленные солдаты;
Победный час гудел везде набатом
И требовал к ответу палача.
А он, с душой опустошенной, мракобес,
Творец концлагерей и душегубок,
Сжав мертвой хваткой «крокодильи зубы»,
От правосудья, словно вор, исчез.
Исчез из бункера слепой авантюрист
И город стал в кипеньи белых флагов;
Он видел здесь солдатскую отвагу,
Познал «Майн кампфа» изуверский свист.
Ликуйте, воины, вам солнце шлет привет!
Рассеялись уж тучи грозовые;

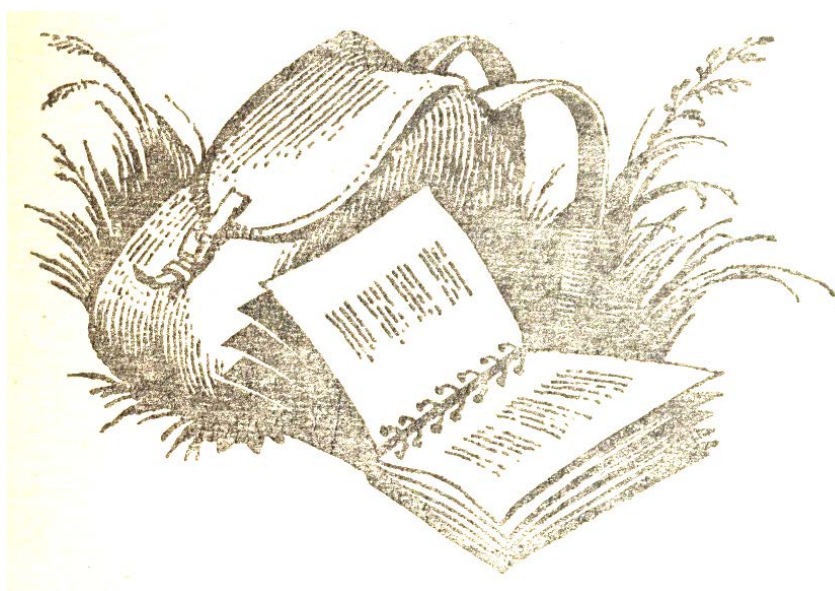
И все большие города России
Увидят в небе россыпи ракет.
И весть победная пройдет, как ураган,
По всем углам Урала, Волги, Дона...
Узнают сестры , матери и жены,
Что мы сломали скулы у врага.

1963

СОБОЛЕВ АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Биография

Алексей Константинович Соболев родился 15 сентября 1919 году. До войны в 1939 году окончил Костромской индустриальный техникум и работал заведующим электрохозяйством Гатчинского литейно-механического завода. В июле 1942 года окончил Горьковское автотоциклетное военное училище, в звании

лейтенант направлен командиром мотоциклетной роты в батальон разведчиков.

Непосредственное участие в военных действиях принял с января 1943 года в должности заместителя командира отдельной разведывательной роты 57 мотострелковой бригады, сформированной осенью 1942 года в Еланских лагерях. Эта бригада принимала участие в Сталинградском сражении в составе Юго-Западного фронта.

Принимал участие в боях за освобождение правобережной Украины, Румынии, Польши, Берлина.

Награжден Орденом красной Звезды и многочисленными медалями.

Демобилизован в 1956 году в звании майор-командир батальона. После войны работал учителем в Школе №58, преподавателем СПТУ-2, энергетиком «Лесхозмаша», конструктором и секретарем партбюро электротехнического завода.

Жена Елена Михайловна, также участница Великой Отечественной войны. С ней познакомились на фронте. Свадьбу сыграли в Берлине.

Эти долгие пять лет (воспоминания)

Нападение.

1941 год. Город Гомель Белорусской ССР. Военный городок. Здесь разместился недавно переведенный из г. Борисова механизированный учебный полк, в котором я заканчивал второй год действительной службы. Мы, сержанты и красноармейцы 1919-1920 годов рождения, в скором времени собирались домой. Но

увидели его только через пять лет.

21 июня я заступил в наряд дежурным по роте. Настроение у бойцов было приподнятое. Днем посмотрели спектакль в гортеатре, вечером – кинокомедию «Музыкальная история». Многие ребята были отпущены в увольнение до 23 часов. В 12 часов ночи я лег спать.

Но вскоре проснулся от страшного грохота. Здание казармы содрогалось от взрывов, звенели стекла в окнах. Дежурное освещение погасло. В полутьме большие часы показывали четыре часа. Наступило 22 июня.

Я поднял роту по тревоге и с оружием вывел на плац. Начинаясь рассвет. Лучи прожекторов прощупывали небо. Стреляли зенитные пушки, расцвечивая небосвод вспышками взрывов. Противно свистели сброшенные с самолетов бомбы, которые сыпались на наш военный городок, на железнодорожную станцию, аэродром, заводы. Вскоре прибыли командиры подразделений. Наш ротный, оглушенный взрывом, плохо слышал – бомба попала в угол дома, в котором он жил. Появились первые жертвы в семьях военнослужащих.

Полк в полном составе был выведен в поле и рассредоточен побатальонно. Поступил приказ окопаться. Начали рыть окопы, устанавливать орудия на огневые позиции. Рассвело. В воздухе появились шустрые самолеты – «мессершмитты», как мы потом узнали. Они сделали над нами круг и, неожиданно для нас, по очереди начали пикировать углом на наши позиции, стрелять из пулеметов так, что пыль поднималась от свинцовых струй. Появились убитые и раненые.

Мы по самолетам не стреляли – не было команды. Воспользовавшись безнаказанностью, летчики обнаглели. Построившись в круг на высоте 50-60 метров от земли, они со страшным ревом пролетали над нами. В черных шлемах и очках, некоторые из них через открытые дверцы кабин

показывали нам кулаки в черных перчатках и ехидно ухмылялись. На крыльях самолетов виднелись яркие черно-желтые кресты, на боках фюзеляжей – страшные драконы, а на киях хвостовых оперений – свастика.

Нам стало ясно: напали фашисты, началась война.

Гибель аэродрома.

К вечеру на дороге от города Речицы к Гомелю показалась пешая колонна людей, одетых в темно-синюю форму. Последовала команда: «Приготовиться к бою!». На колонну мы нацелили пушки и пулеметы. Но она не развертывалась в боевой порядок. Не было заметно в ней четкого военного строя. Командиры в бинокли рассматривали медленно шедших людей и вскоре дали команду: «Отставить!».

Когда первая группа военных подошла к нам, мы крайне удивились и опечалились. Это были советские летчики. Они несли на плечах пулеметы, снятые с самолетов, были обвешаны планшетками, вещмешками с продуктами и авиаприборами. Лица их были сумрачны.

Летчики рассказали, что ночью и утром немцы нанесли бомбовых ударов по аэродрому в Речице, но не точно. Команды на взлет не поступало, штабы авиадивизии и армии

молчали. Некоторые летчики самовольно поднялись в воздух, одни вступили в воздушный бой, другие перелетели на тыловые аэродромы. Позднее последовал приказ: «Уничтожить невзлетевшие самолеты, чтобы не достались врагу». Экипажи приступили к демонтажу оружия, авиаприборов с самолетов. В это время снова полетели вражеские пикировщики и точными ударами докончили уцелевшую технику авиаполка.

Теперь летчики шли в штаб своей дивизии.

Патрулирование.

На следующий день вечером наш 2-й батальон назначили в патрулирование с целью вылавливания вражеских парашютистов-диверсантов и целеуказчиков, сброшенных прошлой ночью вблизи Гомеля. Днем некоторые из них были обезврежены, а большинство рассыпались по городу. Нам приказали прочесать квартал города в районе железнодорожной станции. Приступили к делу по отделениям.

Сержант Резник первым доложил командиру взвода, что в одном сарае он ясно слышит какую-то возню и сопение. Мы тихо окружили сарай, приготовились к бою. Лейтенант

рывком открыл дверь и с криком: Изверги рода человеческого! Выходи!» - первым ворвался в сарай.

Из сарая слышались визг и хрюканье. Там спали свиньи. Мы все покатались со смеху.

С наступлением сумерек слышался гул приближающихся самолетов. Затем сирена. К нам подошла женщина и рассказала, что недавно по крыше ее сарая кто-то прополз, а когда она тихонько вышла, увидела луч света от крыши вверх. Поняв, что это указчик целей, мы бросились к указанному месту. Увидели тонкий яркий лучик, который тут же погас. С крыши прыгнул человек и скрылся за ближайшим зданием. Ребята – наперез с двух сторон. Он начал стрелять по нам, а мы – в него. Упал. Подошли – не шевелится, мертвый. Одет в гражданское, в руках парабеллум, в кармане – длинный электрофонарь, в другой – яйцеобразная граната.

По небу шарили лучи прожекторов. Один самолет попал на пересечение лучей и показался серебряной птицей. Зенитчики открыли по нему огонь. Самолет сделал несколько виражей и вырвался из луча. Вслед за этим слышался леденящий душу визг бомб, и на территории станции загрохотали взрывы, задрожала земля, поднялись черно-багровые столбы дыма. Пылали цистерны с горючим.

Другие группы наших бойцов убили трех сигнальщиков, двоих пленили. В последующие дни мы патрулировали по городу и в ближайших окрестностях, поддерживали общественный порядок. Город готовился к эвакуации.

Через неделю штаб полка набрал группу бойцов со средним образованием для направления в военные училища. В нее зачислили и меня.

Учеба.

В июне 1942 года я был выпущен из училища отличником боевой и политической подготовки в звании лейтенанта и назначен командиром роты во вновь формируемый 81-й мотоциклетный разведбатальон, дислоцировавшийся в селе Давыдово около г. Владимира. Началась напряженная работа по обучению разведчиков.

Вечером бойцы отдыхали, развлекались под гармонь вместе с сельской молодежью. На вечерках иногда появлялся незнакомый молодой капитан в летной военной форме с клюшкой в руке. Он заметно прихрамывал. Я спросил:

- Ранены, товарищ капитан?

- Искалечен я, - отвечает, - может, читал сообщение в «Красной Звезде»: летчик упал с высоты 7 километров и не разбился?

Да, я помнил этот исключительный случай по материалам газет. При обороне Москвы летчик с подбитого самолета выбросился с парашютом, но тот не раскрылся. Летчик упал на крутой склон оврага, покрытого толстым слоем рыхлого снега. Получил общую контузию, перелом ноги, но остался жив...

- Вот это я и есть, - заключил летчик. – Подлечили, признали нестроевым, сейчас временно отдыхаю.

Мы, командиры рот, ежедневно докладывали утром начальнику штаба о проведенных занятиях с бойцами. Батальон заканчивал комплектование и готовился к отправке на фронт.

В конце августа, как обычно, мы прибыли к начальнику штаба. Его на месте не было. В штабе сидели два работника в форме контрразведки «Смерш» (смерть шпионам). Они спросили, кто мы, и сообщили, что начальник штаба – немецкий шпион, поэтому скрылся. Через несколько дней его поймали и судили.

Недурно устроился лазутчик. Он знал, что мотоциклетные батальоны обслуживали танковые соединения – главные ударные силы войск. Много достоверных сведений мог бы достать врагу шпион.

Через неделю наш 81-й мотоциклетный батальон был расформирован. Меня откомандировали в г. Свердловск.

Затем УралВО направило в Еланские лагеря заместителем отдельной разведроты 57-й мотострелковой бригады.

На фронт.

В декабре всех разведчиков нарядили в теплое белье, ватные брюки, меховые рукавицы, белые шубы, валенки и со ст. Кунара с оружием, но без боевой техники эшелоном отправили на фронт. Разгрузились мы в городе Урюпинске Сталинградской области. К фронту шли пешком 5 суток, ежедневно совершая марши по 40-60 километров. Бригаду в составе 3-го танкового корпуса вводили на расширение кольца прорыва, которым опоясано было 300-тысячное войско Паулюса.

В открытой снежной степи нитка войск на дорогах отлично наблюдалась вражеской авиацией. Над нами иногда появлялся двухфюзеляжный «Фокке-Вульф» по прозвищу «рама», а через несколько часов налетали штурмовики или бомбардировщики. При их приближении рота рассредоточивалась по обе стороны дороги. Бомбежка и пулеметный обстрел с самолетов не вызывали заметных потерь.

На подходе к фронту ночью все увидели красочную картину надфронтного неба. Как в немом кинофильме,

бесшумно, медленно, дугами поднимались от горизонта букеты разноцветных трассирующих пуль, яркими искорками вспыхивали разрывы зенитных снарядов.

Над нами пролетели самолеты, в небе вспыхнули 5 ярких звезд – осветительные ракеты на парашютах. Стало светло, как днем. И вдруг – чудо: на большом пространстве над нами небо покрылось блестящими чешуйками. Они медленно опускались. Вскоре стали падать листы бумаги. Я взял один – листовка, внизу подписи: командующий РОА Власов, член военного совета Малышкин. Они пытались убедить нас сдаться в плен и вступать в «Русскую освободительную армию». Солдаты, прочтя, с гневом отбрасывали эту обманную мерзость.

Засада.

Утром стали слышны раскаты артиллерийской канонады. В штаб сообщили: немцы наступают. Бригада выступила по направлению к г. Славянску. Разведрота шла впереди главных сил бригады, впереди нее – разведдозор. Продвигались по мелколесью. За поворотом дороги показалась поляна. Наблюдатели доложили:

- Справа немцы!

Метрах в двухстах от нас с лесной опушки на поляну высыпали развернутой цепью автоматчики численностью до роты, пропустив разведдозор. Они пользовались преимуществом момента – напали неожиданно и были в боевом строю, а мы – в походной колонне. У нас могла возникнуть паника – солдаты-то не обстреляны. Но командир роты Язовских положил роту за выступ дорожного полотна для обороны и скомандовал:

Заряжай! Прицел два. По противнику – огонь!

Бойцы лежали плотной массой и мешали друг другу стрелять. Немцы же открыли яростный автоматный огонь. Однако попасть в лежащего человека из автомата за 150-200 метров с хода почти невозможно. Наши же бойцы стреляли лежа с руки, поэтому их огонь был точнее. Враги падали, но основная масса медленно приближалась. Вскоре из леса вышла вторая цепь врагов, а первая залегла, выжидая момент для совместной атаки. Командир роты, воспользовавшись заминкой у противника, разомкнул роту по фронту.

И тут мы слышали нарастающий рокот танков с тыла. Но чьи танки? У каждого из нас было по две осколочных и одной противотанковой гранате. Можно сразиться и с танками. Но мы находились в невыгодных условиях – на

голом месте, плотной массой, под огнем превосходящего силой противника.

Из-за поворота показалась одна за другой 5 машин. О, радость! Наши Т-26. легкие, но все же танки. Я побежал им на встречу, махнул рукой: «Стоп!». Передняя машина остановилась. Из башни высунулся командир – голубоглазая розовощекая девушка с завитушками черных волос из-под танкошлема, который придавал ей воинственность Жанны д' Арк.

- Что надо, лейтенант? – весело спросила она.

Мотор гудел, я вскочил на броню, чтобы легче разговаривать.

- Засада! – говорю. – Помогите огоньком!

И указал на противника.

Девушка была командиром танкового взвода. Она достала флажки и просигналила команду. Пять «черепак» развернулись на месте, линией поползли к поляне и дружно застрекотали пулеметными очередями. Ошеломленные немцы пустились наутек к лесу. Не один десяток их остался лежать на снегу. Преследовать противника не стали. Нужно было в срок прибыть в назначенный пункт.

Подобрали своих раненых и четырех немецких солдат. Танкисты посадили их на броню, чтобы довести до пункта назначения. Мы сердечно поблагодарили танкистов за

помощь в бою. Эта случайная стычка с противником для разведчиков была боевым крещением. Она породила уверенность в своих силах и веру во взаимовыручку со стороны фронтовых товарищей.

Подходила бригада. Мы двинулись по маршруту.

Боевое задание.

Ночью вошли в поселок вблизи г. Славянска. Бригада достигла фронтовой полосы. Утром начштаба майор Лозовой поставил разведчикам боевую задачу: установить в направлении наступления наличие мостов через речки и места опорных пунктов противника на окраине г. Славянска. Сведения предоставить к 23 часам.

Командир роты Язовских направил по двум дорогам два взвода автоматчиков, которые на трехтонках автороты с наступлением сумерек доставлены на ближайшее расстояние к городу. В каждом взводе были назначены группы поиска и прикрытия, пункты сбора после выполнения задания. Взводы должны растянутой цепью, в белых маскхалатах подойти на 80-100 метров к ближайшим домам, потом попластунски вплотную подползти по 2-3 человека для наблюдения. При неожиданной встрече с противником действовать решительно ножом, прикладом и немедленно

отходить. Раненых и убитых не оставлять. При возможности брать пленных.

Оба взвода выехали в 7 часов вечера. В десятом часу возвратился взвод Баранова. Командир доложил по карте, что его обстреляли в двух местах, не причинив потерь. Опросив местных жителей, он определил место сосредоточения основных сил противника.

В одиннадцатом часу четыре бойца на маскхалатах принесли умирающего командира взвода Чернышова. Чернышов и Баранов прибыли в роту курсантами из Саратовского танковского училища и должны были получить командирские звания в ходе битв.

Военфельдшер Аглая рассказала, что под правым передним колесом грузовика взводного взорвалась противотанковая мина, разрушен автомобиль, пострадало несколько солдат, а Чернышову оторвало ноги по колено и кисти рук. Вскоре он умер. Это была первая потеря близкого товарища. Однако взвод Чернышова задание выполнил под руководством помкомвзвода Гордеева, который доложил: дорога заминирована, противника в обусловленном квартале не обнаружено, захвачен пленный.

В штабе бригады переводчика не было. Начштаба предложил мне допросить пленного (в училище немецкому языку нас обучала немка). Перед нами стоял немолодой

солдат в шинели с зелеными треугольниками петлиц, по виду цыган.

- Дойч ферштэен? (по-немецки понимаете?) – спрашиваю.

- Шлехт (плохо) – отвечает.

- Какой национальности?

- Мадьяр.

Начштаба Лозовой обрадовался. Перед нами был представитель венгерской части, а на фронте было известно, что венгерские, румынские и итальянские войска отличаются низкой боеспособностью.

Этот солдат попал в плен при проверке линии фронта.

- Кто главный командир? – продолжаю допрос.

- Полковник, - отвечает пленный.

Он пытался уклониться от ответов на наши вопросы о роде войск, номере части, наличии артиллерии и танков, но после некоторых мер устрашения назвал пехотный полк, до десятка танков, артдивизион.

По совокупности разведсведений, силы и расположение противника комбригу стали известны. На основании их он принял решение о порядке наступления.

Успех наступления.

Командир бригады полковник Ф. М. Забелло решил атаковать противника стрелковыми батальонами по заминированной дороге. На разминирование ее от противотанковых мин в 24 часа отправилась вся саперная рота. К пяти утра она задачу выполнила. В четвертом часу стрелковые батальоны двинулись на сближение с противником и к шести заняли исходные позиции.

Когда 3-й батальон с ротой автоматчиков начал дружную автоматнo-пулеметную трескотню, венгерское войско спало в домах. Бодрствовали только боевые охранения. Проснувшиеся солдаты выбегали из домов и метались в панике. Их окопы занимали наши бойцы. Отдельные очаги сопротивления быстро подавлялись. Одновременно с нами на другие участки города наступали две танковые бригады. К полудню Славянск бвл освобожден от врага. Разведрота в наступлении не участвовала и выступила из поселка в город после обеда.

Навстречу нам по белому полотну степи вдали ползла серая змея войск. Я посмотрел в бинокль – шли безоружные солдаты, понял – пленные. Когда головы колонн поравнялись, ко мне шагнул пожилой человек цыганского

вида в русской ушанке с венгерской кокардой и отрапортовал:

- Косподин командир! Венгерски полк идет плен.

Я удивился, но ответил:

- Приятного отдыха, герр оберст!

Он болезненно улыбнулся.

Залп «Катюш».

В городе рота расквартировалась по отделениям в теплых домах, расположенных в низине у продолговатой возвышенности. Когда село солнце, я увидел, как на возвышенность въехала колонна автомобилей под брезентами и быстро выстроилась в ряд. Брезенты враз соскользнули, обнажив наклоненные плоскости из двутавровых балок. «Катюши»!

Я подбежал к ним. Балки поднялись под заданным углом, раздалось змеиное шипение, позади машин за клубился снежный буран, а по воздуху сначала видимые, но быстро тающие в небе по очереди поплыли огнехвостые снаряды. Это был очаровательный фейерверк. Я посмотрел вдаль в направлении стрельбы. Местность с высоты просматривалась далеко. Через несколько секунд меня поразило невиданное зрелище. В глубокой дымке

перекатывались зловещие волны сплошного огненного моря. Подумалось: жарко купаться фашистам в такой адской водице.

Только улетел последний снаряд, брезенты вновь были нахлобучены на балки, и боевые машины как ветром сдуло. Так оперативно работали реактивные гвардейские минометы, чтобы не попасть под ответный залп врага.

В этот день к нам прибыло ополчение: рота броневедомств из 15 единиц и две стрелковые роты. Солдаты и офицеры были одеты в новую форму с погонами.

Партизанская месть.

Противник отходил. На следующий день бригада двинулась на Краматорск двумя параллельными маршрутами. Разведроту расчленили по маршрутам. Комроты Язовских вел три взвода, я – два. К десяти утра достигли шахтерского поселка, и идущий впереди нас разведдозор просигнализировал «путь свободен». Только втянулись на главную улицу, навстречу нам – группа «цивильных». Впереди – с десятков безоружных людей, за ними – дюжина вооруженных немецкими автоматами бойцов в шапках с красными повязками. Один из них подошел ко мне и проинформировал:

- Товарищ командир! Мы – партизаны. Ведем гадов на расстрел.

- Каких гадов? – удивился я.

- Полицаев.

- Без суда и следствия? Подождите, их осудит наш военный трибунал, - посоветовал я.

- Каждого из этих немецких холуев мы знаем лично. Они-то нас убивали без суда. А мы их своим партизанским судом приговорили к смертной казни за издевательство над людьми и за измену Родине.

- Пусть будет по-вашему, - согласился я. – Но ответьте, есть ли по близости фрицы?

- Были, весь этот поселок занимали, но ушли утром.

-Спасибо. Действуйте, - заключил я.

Приговоренные стояли рядом и слушали, никто из них не оправдывался, никто не просил о помощи. Партизаны вывели их на небольшую площадь и мигом расправились. Над трупами поставили дощечку с черными буквами «предатели».

А я на всякий случай послал дозоры по трем параллельным улицам, а в колонне бригады – связного с запиской «Путь свободен».

Непредвиденный бой.

Точных сведений о местонахождении и численности противника штаб бригады не имел. По выходе из поселка три дозора объединились в один и шли впереди полуроты. Местность была холмистая, поэтому мне то и дело приходилось биноклем скользить по верхушкам взгорков.

Дозор просигналил: «Впереди противник». И верно, на высоте, оседлавший нашу дорогу, различались темные точки, расположенные по линии. Дозор я отозвал, послал донесение командиру колонны. Подошла колонна в составе стрелковых батальонов, минометной и санитарной рот.

Командиры решили продолжать марш на Краматорск, а для этого следовало сбить противника с высоты. Батальоны развернулись в ротные цепи и охватили высоту с флангов. Из поселка их огнем поддерживали минометчики. Наступающие за полчаса выдвинулись на рубеж атаки и, поднявшись по общему сигналу, медленно по глубокому снегу пошли на врага. В это время «залаяло» несколько немецких пулеметов и на высоте появился танк. Минометчики прицельными выстрелами подавили вражеские пулеметы, но танк стрелял, люди падали. Цепи залегли в снег невдалеке от противника.

Танк стоял у крутого склона высоты. Рядовой Бугров подполз к нему и метнул противотанковую гранату, но не добросил. Тогда он быстро выскочил на броню, ударом приклада согнул ствол пулемета, который тут же умолк, затем тычком ствола разбил стекла перископа и оптического прицела. Танк с яростью ринулся на наши цепи. Некоторые солдаты выскочили, побежали, другие с криком:

- Он слепой, гранатами его, такую мать! – метнули гранаты, и машину заволокло дымом.

Танкистов прикончили. Воодушевленные победой над железным драконом, солдаты с протяжным «ура-а!» двинулись на высоту, за ними поднялись все роты. Высоту взяли. Но на ней оказались только убитые и раненые. А по дороге за высоткой улепетывали нагруженные пехотой немецкие грузовики. Бойцы сетовали:

- Кабы сейчас паршивенькую пушченку, славный бы сабантуй был немцам!

Но артдивизион шел в другой колонне.

Дружная атака.

На следующий день комбриг, начштаба и начальник оперативного отдела с помощью трех переводчиков из штаба корпуса допросили пленных. Картина дислокации сил

противника в г. Краматорске проявилась. На совещании командиров частей корпуса принято решение о порядке наступления. Каждому мотострелковому батальону 57-й бригады выделялось по пять танков. Каждому танковому батальону – стрелковая рота (в качестве десанта на броню). По артиллерии противника нанес удар дивизион «Катюш». Артподготовку по опорным пунктам врага начали за полчаса до атаки. Пешие стрелки вовремя артподготовки приблизились к рубежу атаки и при подходе танков вместе с ними ворвались на позиции врага. Атака была дружной и успешной.

Зимой 1943 года наши и вражеские войска в условиях непрерывного маневрирования не создавали сплошную линию обороны, не окапывались, а организовали круговую оборону в населенных пунктах. Поэтому части корпуса, овладев Краматорском, устремились по свободным дорогам на г. Константиновку. Все люди посажены на вновь прибывшие автомобили и боевую технику и на «плечах противника» ворвались в город. Бои за овладение им продолжались почти сутки.

В окружении.

За время боевых действий наша бригада понесла ощутимые людские и материальные потери, ее

боеспособность снизилась. В Константиновку не прибыли машины с продовольствием и кухней – из-за нехватки бензина. Поэтому решено было остановиться для передышки.

А утром нас разбудила канонада. С высот вокруг города по нашим позициям били минометы и артиллерия врага. Обстрел без наступления продолжался трое суток. Разрешено было всем использовать неприкосновенный запас продуктов, который быстро был съеден. Грозил голод, но выручал «бабушкин аттестат» - угощение местных жителей. Помню, когда бабушка принесла «украинского борщику с кукурузным хлебцем», то показалось, что ничего вкуснее до этого мы не пробовали. А борщ-то был постный.

Немцы, вероятно, установили в городе целеуказчиков, так как их артиллерия била по уязвимым местам наших позиций. Надо было вырваться из «мешка». Но как? Все дороги были или перекрыты, или простреливались противником. Однако обнаруживалось нечто вроде ущелья между крутыми склонами холмов, по которому могла проехать машина.

Комбриг решил использовать его для выхода из окружения. В кузова уцелевших грузовиков втискивалось человек по 40. семь машин проскочило, но враг заметил движение и накрыл ущелье минометным огнем. Однако грузовики с солдатами на огромной скорости продолжали

«вылетать» из города сквозь огневое заграждение. Осколки мин разбивали кузова и колеса, ранили людей, но машины уползали за холмы. Последней уходила бронерота, предпоследним – штаб бригады. И случилась беда. Загорелся один грузовик и загородил дорогу. Подоспевший комбриг приказал солдатам опрокинуть машину с дороги. Это удалось, но очередным взрывом ранило нескольких солдат и начальника штаба, а комбрига убило. Их тела положили на последнюю машину. Эвакуировались все.

Ухудшение снабжения.

Меня вызвал подполковник Аржба и приказал с двумя броневиками и отделением автоматчиков отправиться в расположение штаба корпуса. По дороге мы переезжали железнодорожный путь. Меня удивил странный вид железнодорожного полотна. Рельсы целы, а все до единой шпалы переломлены посередине в виде «шеvronа». Местные жители пояснили, что немцы использовали мощный плуг с серповидным ножом на крепкой раме, который прицепляли к паровозу, и с большой скоростью разрушали путь на значительных расстояниях.

Понятно стало, почему резко ухудшилось снабжение бригады боеприпасами, продовольствием, горючим. Это

быстро сказалось на боеспособности частей: количество горючего и боекомплектов у танков резко снизилось.

Мы разыскали штаб корпуса, и я доложил полковнику о прибытии в его расположение.

Среди врагов.

Полковник дал мне задание. На карте он указал место, куда я должен вернуться с двумя броневиками, через бинокль наблюдать за движением войск противника и о всем замеченном по радио докладывать в штаб.

Мы выехали. Началась весна, машины шли по разбитой дороге в голой степи. Пересекли передовую линию фронта. Пехота окапывалась, артиллеристы готовили огневую позицию. Только мы въехали в крупную станицу, как налетели «юнкерсы» и начали бомбежку селения. Летчики заметили наши броневики и пытались накрыть нас бомбами, но безуспешно. Вслед за этим начался артобстрел станицы с дальних позиций. Но наши войска ночью были выведены из станицы в степь.

Мы благополучно добрались до указанного места, поставили броневики в укрытие и стали наблюдать. С высоты местность просматривалась далеко. Под вечер из дальней станицы показались одновременно две колонны

машин, они двигались в нашу сторону по двум дорогам – справа и слева от нас. Я доложил в штаб, и получил приказ сосчитать в каждой колонне количество танков, пушек и грузовиков с пехотой. Когда колонны приблизились и стали просматриваться с флангов, я сосчитал машины и передал открытым текстом. На наших глазах колонны стали разворачиваться в боевые порядки и атаковать станицу. Наши части открыли огонь с дальних позиций.

Бой разгорался уже в нашем тылу, мы стояли между атакующими цепями врагов, не замеченные ими. Связь со штабом прекратилась. Нам надо было отходить к своим. Когда солнце село, я вывел обе машины из укрытия на прежнюю дорогу. Станица горела, людей не было видно. Бой затих.

Отход.

Переезжаем обратно линию фронта. Виднеются на земле десятки трупов, смердят четыре желтокрестных танка. Немцев в окопах нет, и своих не видно, значит, отошли. Мы двинулись по прежней дороге. Смеркает. Впереди на фоне светлого неба показались силуэты каких-то копен. Подъехали ближе – танки. Но чьи? Восемь машин стоят у перекрестка дорог. В центре стоянки – костер, вокруг него

пляшут танкисты и поют «Розу Мунду». Немцы! Пушки танков повернуты от нас влево, в сторону расположения штаба нашего корпуса. Вдруг один танк выстрелил, на дороге вспыхнула наша ЗИС-5, забегали люди. А на нас немцы не реагируют. Я понял: наши броневики внешне схожи с немецкими, к тому же мы подъехали с тыла, значит, нас приняли за своих. Даю команду водителю: «Поворот вправо, полный вперед». Но танкисты разоблачили обман. Вижу, два танка разворачивают пушки в нашу сторону. Выстрел, второй. Снаряды прошли над башнями бронемашин и взорвались далеко впереди. На наше счастье, начался спуск дороги в овраг.

Неизвестность.

Но куда ехать дальше? В каком направлении отошли наши? Глубоко ли проник противник в нашу оборону? Все это нам было неизвестно. Остановились в низине. Я по карте сориентировался на местности. Впереди дорога раздваивалась, одна шла прямо, другая поворачивала влево, в деревушку. Повернули к деревне. Кто там – свои или немцы? Тихо подобрался к околице. Я вызвал командира второй машины и приказал ему следовать с автоматом за мной, чтобы при надобности поддержать огнем, а машинам

медленно ехать за нами. При стычке с врагом использовать пулеметы.

Мы обследовали несколько ближайших домов, в которых никого не оказалось. Вскоре мой напарник заметил среди деревьев сада танки. Мы подкрались ближе, понаблюдали. Ни часовых, ни дежурных экипажей. Присмотрелись – наши. 15 «тридцатьчетверок» стояли в линию бок о бок. Мы обрадовались, но тут же спохватились. Людей-то нет, значит, танки оставлены. У кого узнать, где танкисты? Вспомнилось, что от опасностей войны жители фронтовой полосы скрываются в погребках, ямах. Я открыл первый попавшийся люк погребной ямы, спросил:

-Есть тут кто?

Отозвался дедушка-украинец:

-Та е свои Люды!

-А немцы есть? – спрашиваю.

-А я знаю? – отвечает. – Стрилялы вечером.

-А где танкисты?

-Пишлы в тыл. Казалы, солярцы немае.

Все прояснилось. Танки стоят без горючего.

По карте я выбрал одну из дорог вероятного направления отхода наших войск.

Ехали по гористой местности Донбасса, дорога петляла по взгоркам. Оказавшись вне опасности после пережитого

нервного напряжения, под воздействием убаюкивающего рокота мотора, я задремал, ухватившись скрещенными руками за дуги поворота башни и оплетья ногами стойку сиденья. Задремал и немолодой водитель Смирнов. Мне пригрезилось, что меня вертят в беличьем колесе. Очнулся, а перед глазами мелькают через башенный люк то небо, то снег. Машина падала г горы. Сделав 4-5 кувырков, она остановилась, лежа на боку. Экипаж второй машины все видел. Осторожно с кручи спустился второй броневик, зацепил крюком за край башни упавшую машину, водитель дернул, и машина перевернулась на другой бок. Лишь после четвертой попытки удалось поставить ее на колеса.

Свои.

В полночь в следующем поселке нас остановили часовые, указали место штаба корпуса. Я был искренне рад, что верно выбрал направление поиска своих, зашел в штаб, представился дежурному. Он проводил меня к начальнику штаба, с которым в это время разговаривал командир корпуса – генерал-майор М. Д. Синенко. Я доложил о немцах и наших танках. Генерал ответил, что о наших танках без горючего он знает, а место стоянки немецких уточнил по карте.

Мы улеглись спать. Утром стало известно, что ночью к штабу подошли пять больших автоцистерн с горючим. В сопровождении взвода «тридцатичетверок» и грузовиков с экипажами танков она направилась к временно установленным машинам для их заправки. Командир корпуса приказал дивизиону «Катюш» приблизиться к немцам на ближайшее безопасное расстояние и дать залп термитными зарядами.

К середине этого же дня поредевшие части танкового корпуса с хода опрокинули потрепанные войска вермахта. Удар был неожиданным для противника настолько, что ему пришлось оставить и ту дальнюю станицу, из которой сутки назад выползли две немецких колонны.

Отход наших частей был вынужденным, оказался кратковременным и был ликвидирован с улучшением тактического положения войск.

Сохранившийся в сражениях личный состав вместе с техникой и прочими материальными ценностями погрузился в железнодорожные эшелоны и через трое суток прибыл на Орловско-Курскую дугу. 57-я мотострелковая бригада в составе 3-го танкового корпуса вошла в состав второй танковой армии, вновь сформированной. При маневрировании по фронту вся бригада могла передвигаться «на колесах», т. К. была укомплектована новыми

американскими автомобилями марок Студебекке», «Форд», «Додж», «Шевролет», «Виллис».

Она участвовала в оборонительных боях, освободила г. Севск, преследовав отступавших фашистов. Ее боевой путь пролегал через правобережную Украину, через границу с Румынией, через все территорию Польши. За победоносные сражения при освобождении Польши 57-я МСБ стала 33-й гвардейской. Участвуя в Висло-Одерской операции, осуществляемой маршалом Жуковым, вместе с другими соединениями освобождала Варшаву и многие города Польши, форсировала р. Одер, атаковала Барлин, штурмовала рейхстаг. На ее знамени 4 боевых ордена, в ее составе – 6 Героев Советского Союза.

Воспоминания об отце – Соболеве Алексее Константиновиче.

Мой отец родился в Костромской области, в деревенской глубинке в 1919 году. Его мать была сельской учительницей, отец – районный врач.

Отец отличался природным умом, я бы сказал, он был талантливым человеком. Костромской техникум до войны закончил с отличием, военное училище – с отличием, его прочили в Высшую военную академию Генерального штаба МО, но помешала война.

Принял первый бой (по его воспоминаниям) в 4 часа утра в Борисове (Белоруссия) 22 июня 1941 года. Их расположение подверглось авиационному налету. И так прошел до победного 1945 года, и в Берлине есть его роспись на Рейхстаге. Был командиром разведроты, рассказывал про рейды в тыл врага. Был ранен, имел правительственные награды за боевые заслуги.

После войны служил до 1956 года и приехал с нашей семьей в Камышлов – на родину жены Соболевой Елены Михайловны, которая участвовала в военных действиях с самого начала, после окончания Камышловского педучилища ушла медсестрой на фронт. Там они и познакомились.

После приезда в Камышлов отец закончил с отличием институт и работал на различных руководящих должностях до выхода на пенсию. Был активным участником художественной самодеятельности на ЭТЗ, наизусть декламировал «Василия Теркина», играл на трофейном аккордеоне. Был руководителем партийной организации ЭТЗ, председателем комитета ветеранов, вообще всегда был активистом, рационализатором, вырастил четырех детей, у людей пользовался заслуженным авторитетом и уважением.

Сын Владимир 11.11.2009г.

Гимн фронтовичек.

Девушки, и жены, и невесты
В дни начала страшной той войны
Получили лично строгие повестки
В бой идти за жизнь родной страны.

Летчицы, зенитчицы, связистки,
Снайперы, медсестры и врачи
Помогли спасти страну от орд фашистских,
Мир с врагом победой заключить.

В городах, от фабрик и заводов,
Шли на фронт из нежных рук девчат
Непрерывно все четыре с лишним года
Ружья и одежда для солдат.

Нины, Кати, Ани и Людмилы
В селах тыла, не боясь труда,
Сытным хлебом весь народ в войну кормили,
Армию, деревни, города.

Нынче Маргариты, Лиды, Лены –
Все вы уважаемы в стране,
Мамы всех живущих ныне поколений
И живая память о войне.

Камышловские известия. – 1996. – 7 мая. – С.3

Рывок в юность

(фантазия)

Я – старик, духом сник.

Нужен Лене я.

Распалю мотоцикл

До гудения.

Вихрем с места рванусь

В высшей скорости,

И душой устремлюсь

К трудной молодости.

Я сквозь время прорвусь

К молодым годам,

Осмотрюсь, удивлюсь:

– Трудно было нам!

Снова буду стрелять,

Жить в траншеюшке,

Вдруг понравлюсь опять

Лене-девушке?

Я ее отвращу

От злой ревности,

Я ее возвращу

К вечной верности.
Будем жить мы от всех
В мирной дальности.

Но... пришел, как на грех,
Миг реальности...
Нет, никто не вернет
Молодые года.
Никогда не взойдет
Солнце с запада.

Камышовские известия
(Литературный четверг 30.01.1997г.)

* * *

Твоя красивая фигурка
В том белом платье в унисон
С военной серою тужуркой
Частенько мне тревожит сон.

Давно искал с тобой я встречи,
Но, как свободная жена
Ты, видно, в мыслях каждый вечер
Другим была увлечена.

Тобой владела этим летом
Охота к перемене мест.
Мне был убийственным ответом
Демонстративный твой отъезд.

Для ран души на встречу с другом
Чтобы устроить жизнь свою
И он болезненным недугом
Пронзил всю психику мою.

Чтоб веру в нашу дружбу вынуть
Из сердца в усиление мук,

Велела мне тотчас покинуть
Свой дом – создание моих рук.

Как ждал тебя я! Ты явилась
На зов не сразу мой пришла:
Четыре дня душа казнилась,
Ждала твоя душа тепла.

Но ты с холодным безучастьем
Явилась вздыбленным ежом,
Гордясь возможным новым счастьем,
Водя мне по сердцу ножом.

И вдруг ушла. А я не вынес,
Пришел грустить к тебе домой,
Но ты совсем не удивилась:
– «Садись, поговори со мной...»

Твое без злобы обращенье
Со мной при кухонной тиши
Легко бальзамом исцеленья
На боль израненной души.

И снова я, тобой гонимый,
Обрел души своей покой,
Лаская образ твой любимый
Лишь в мыслях, сдавленных тоской.

Проходят нашей жизни сроки:
Женуля, оглянись вокруг,
Пойми, мы оба одиноки,
А ты – единственный мой друг.

Тамиск. 16.10.1985г.

Содержание

Вступление. Флягина Е.И.	3
Реут Константин Федорович	
Биография. Н. Куштум	7
«Юноша бледный со взором горящим...» (воспоминания уральских писателей о К.Реуте)	11
Весна	15
Жить! А.П.Кузнецовой	18
Свешников Иван Степанович	
Краткая автобиография.	27
Встреча (рассказ)	30
Солдат умирал у лафета	37
Почерк полководца	38
Весна в садах	40
Времена года	42
Всю степь неоглядно большую	44
Ветераны второй мировой	45
Плач гитары	46
Весна	47
День Победы	48
Соболев Алексей Константинович	
Биография	53

Эти долгие пять лет (воспоминания)	55
Нападение	55
Гибель аэродрома	57
Патрулирование	58
Учеба	60
На фронт	62
Засада	63
Боевое задание.	66
Успех наступления	69
Залп «Катюш»	70
Партизанская месть	71
Непредвиденный бой	73
Дружная атака	74
В окружении	75
Ухудшение снабжения	77
Среди врагов	78
Отход.	79
Неизвестность	80
Свои	82
Воспоминания об отце	85
Гимн фронтовичек	86
Рывок в юность	88
Твоя красивая фигурка	90

Прошедшие дорогами войны... Сборник сочинений поэтов-фронтовиков: К.Реут, И.Свешников, А.Соболев; ред. Т. Ошивалова; сост. Л. Кириловских, М. Лавренцева; комп. набор В. Зверева, Е. Минкаирова, Т. Уфимцева, Е. Ченцова; вступ. ст. Е. Флягина; Центр. библиотечная система. – Камышлов, 2010. – 94 с.

